

отдельную личность. Существенным измерением социального прогресса ученый считает переход от общества, в котором личность полностью подчинена социальному целому, к такому состоянию, при котором социальный организм служит составляющим его индивидам. Основное типологическое различие социальной идентичности заключается в методе ее достижения: насильственном или добровольном. Если первый формирует общество военного типа, то второй больше свойственен для промышленного социума. В данном методологическом контексте проходит и обоснование центральной идеи Г. Спенсера об эволюции, сущность которой заключается в переходе от гомогенности к гетерогенности, возрастающей связанности и специфической определенности.

Эту идею отчасти разделяет и Э. Дюркгейм, несмотря на отрицание им всякой схожести в мыслях со своими коллегами, в теории механической и органической солидарности. По его мнению, индивид – исторически первичен, а осознание индивидуальности возникает в процессе исторического развития. Иными словами, социальная идентичность – продукт истории, трансформирующаяся в результате перехода от архаических обществ к обществам, основанным на органической солидарности, дифференциации взаимозаменяемого; кроме того происходит и торжество индивидуальной идентификации с акцентом на сотрудничество (рациональное решение индивидов). Одним из основных трансляторов социальной идентичности является религия, формирующая, своего рода, правила взаимодействия. Особое внимание Э. Дюркгейм уделил рефлексии религии как коллективному творению человечества. Сущность религии, с его точки зрения, заключается в разделении общества на мирские и священные феномены, а не в вере в трансцендентного бога. Основная роль религии в процессе идентификации заключается в конструировании солидарной системы верований и практик, относящихся к вещам священным, обособленным, запретным;

верований и практик, которые объединяют в одну моральную общность, называемую церковью, всех, кто их принимает⁶. В данном утверждении наблюдается параллель с воззрениями Г. Спенсера, считающим, что церковь призвана внушать страх перед мертвыми.

Немецкий исследователь М. Вебер предлагает свою трактовку понятия религии и ее значения в социальной идентификации общественных процессов. Следуя его логике, можно констатировать, что религия помогает идентифицировать интегрирующий мотив социального действия, обуславливая трансформации исторических процессов и национальную дифференциацию⁷.

Таким образом, социальная идентичность представляет собой многомерный процесс человеческого становления, который может быть описан в рамках различных социальных и гуманитарных теорий. Научная картина таких процессов тесно связана с последующим анализом теоретико-методологических моделей, в рамках которых индивидуальная и коллективная идентичности проявляют себя и видоизменяются под влиянием информационных потоков, сохраняя при этом свои исходные характеристики.

Примечание

- ¹ Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов н/Д, 1999.
- ² Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108–113.
- ³ См.: Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 86.
- ⁴ Люббе Г. Указ. соч. С. 108–113.
- ⁵ См.: Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 137.
- ⁶ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- ⁷ Арон Р. Указ. соч.

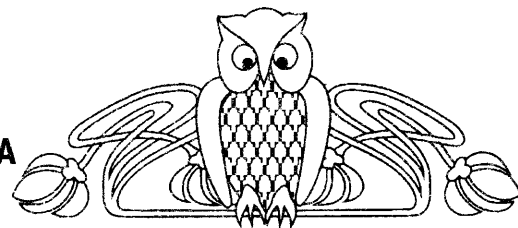
УДК 316.334.3(470+571)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.Г. Дыльнов

Саратовский государственный университет,
кафедра социальной информатики
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального контроля в экономической сфере современного российского общества. Основное внимание уделено способам и методам реализации контроля над предпринимательской деятельностью, предложены пути оптимизации данного процесса.

Social Control in Modern Russian Society

D.G. Dylnov

The paper discusses some aspects of social control in economic sphere of modern Russian society. The emphasis is made on ways and methods of control in Russian citizens' entrepreneurial activity, ways of optimizing this process are offered.

Современное российское общество, являясь по своей сути транзитивным, характеризуется наличием разнообразных и разноплановых явлений и процессов во всех сферах своей жизнедеятельности. При этом следует отметить, что в обществе имеется множество девиантных, криминогенных феноменов, в том числе и в экономической сфере.

Что же может противопоставить современное общество этим опасным процессам и тенденциям? Явлениям отклоняющегося поведения в обществе противостоит процесс социального контроля. В самом общем виде социальный контроль можно определить как способ регулирования общественных отношений, направленный на устранение элементов дезорганизации и тем самым – на сохранение качественной определенности социальной системы. В процессе осуществления социального контроля происходит преодоление тех или иных дисфункций, отклонений от социальных норм. Содержание этого процесса определяется реальным противоречием между субъективно установленными социальными нормами и объективным ходом социальных процессов, во многом не соответствующих нормативным требованиям¹.

На поверхности общественной жизни социальный контроль проявляется прежде всего как применение определенных санкций – действий, посредством которых отклоняющееся поведение индивидов или групп подчиняется требованиям социальной общности. Осуществлять эту функцию в зависимости от ситуации могут либо сами члены той или иной общности (неформальный контроль), либо специально выделенные для этого лица, наделенные соответствующими полномочиями (формальный контроль).

В литературе можно встретить формулировки, согласно которым сущность и главная задача социального контроля состоит в том, чтобы свести к минимуму отклонения от господствующих социальных норм.

Эти определения в целом правильны, но недостаток их состоит в том, что они фиксируют отдельные (хотя и важные) аспекты социального контроля. С методологической точки зрения неверно сводить этот сложный процесс лишь к «негативной» функции (ликвидации выявленных отклонений). Контроль позволяет прежде всего изучать явление и вырабатывать разумные управленческие меры. Иными словами, контроль должен приводить к позитивным практическим результатам, иметь конструктивное значение в системе человеческой деятельности, обеспечивая не только стабильность, но и целенаправленное, всестороннее развитие, совершенствование социальной системы.

Именно поэтому стабилизирующая функция социального контроля во всех сферах общественной жизни (в том числе в экономике) подчеркивается практически всеми авторами, разрабатывающими данную проблему.

Понятие «социального контроля» в сознании многих людей ассоциируется с деятельностью органов государственного принуждения (прежде всего, правоохранительных учреждений). Однако это общественное явление имеет значительно более широкую сферу действия, гораздо более сложную организационную и социально-психологическую структуру. Его целевая направленность зависит от исторически обусловленных экономических, политических, социокультурных характеристик конкретной социальной системы. Каждое общество вырабатывает свою собственную, специфическую систему мер, способов внушения и убеждения, предписаний и запретов, выражения признаний, отличий, наград, благодаря которым поведение социальных групп, ассоциаций и индивидов приводится в соответствие с принятыми образцами деятельности.

Даже самый общий взгляд на условия, в которых функционирует социальный контроль, его свойства, цели, задачи позволяет сделать вывод, что этим понятием охватывается широкий круг разнообразных явлений, что он представляет собой системное образование со сложной многоуровневой структурой.

Функционирование социального контроля проявляется в осуществлении корректирующих воздействий, социальных санкций, обеспечивающих упорядоченность, динамическое равновесие социальной системы в процессе ее развития. Осуществляются эти санкции действующей системой социальных институтов (организаций), составляющих второй основной элемент (организационную подсистему) системы социального контроля. Следующим важным элементом данной системы выступают неинституциализированные механизмы социального контроля (общественное мнение, традиции, обычаи и т.д.), которые носят социально-психологический характер. Как и другие системные образования, эта система представляет собой упорядоченную определенным образом совокупность элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство.

Упорядоченность системы социального контроля носит объективный характер. Ее закономерности, структура, свойства, в конечном счете, определяются закономерностями, структурой, свойствами социального целого. Смысл существования системы социального контроля обусловлен целями более фундаментальных систем. В социальном контексте контроль не имеет самодовлеющей цели, отличной от общих целей управления. В свою очередь цели управления занимают подчиненное место в иерархии целей, которые ставит перед собой общество.

В принципе, социальный контроль охватывает все сферы человеческой жизни, в том числе и экономическую. Остановимся более подробно на этой форме социального контроля. Контроль, который осуществляется в этой сфере, имеет

ряд особенностей, присущих только данному роду деятельности. Все действия контрольных инстанций направлены на выявление, преодоление или предотвращение девиаций в процессе производства, обмена, распределения. Однако, как уже отмечалось выше, экономическая сфера тесно связана с другими областями общественной жизнедеятельности – социально-политической, духовной. Поэтому наряду с контролирующим действием экономических институтов мы видим здесь и функционирование различных политико-правовых структур, в первую очередь государственных органов. Да и сами девиации здесь имеют двойной характер. С одной стороны – это могут быть нарушения каких-то экономических норм, правил, традиций, т.е. таких ценностно-нормативных установок и принципов, с помощью которых обеспечивается эффективность и стабильность хозяйственной деятельности. С другой стороны, значительная часть этих требований облечена в юридическую форму и выступает как элемент правовой системы, а экономические отношения, таким образом, включаются в систему правоотношений. Эту взаимосвязь также нужно учитывать, поэтому контроль в сфере экономики или экономический контроль имеет определенные политико-правовые аспекты. В свете этих методологических замечаний следует, на наш взгляд, рассматривать характеристики экономического контроля, который выступает как относительно самостоятельный вид деятельности в контексте общего родового понятия (социального контроля).

Экономический контроль как вид социально-контрольной деятельности воплощает целый ряд важных родовых признаков, это, в частности, целенаправленность (на реализацию социальных норм), структурные характеристики (деление на три стадии – информационную, аналитическую, применение санкций). Данный вид контроля, будучи составной частью социального регулирования и выполняя присущие ему функции, способствует реализации ряда конкретных задач обеспечения безопасности, эффективности и стабильности социально-экономической сферы.

Для понимания роли экономического контроля следует, на наш взгляд, обратиться к проблеме взаимосвязи экономической и социальной сфер (с точки зрения их системного единства и взаимообусловленности). Элементы экономического контроля образуют особый «специализированный» механизм, который «погружен» в более широкую систему – общество, включающее две связанные между собой сферы: экономическую и социальную. Трактовка развития экономики как социального процесса означает, что это развитие рассматривается не изолированно от других сфер общественной жизни, а в тесной связи с ними, причем эта связь осуществляется через определенные звенья, специфические механизмы, включенные

не только в экономику, но одновременно и во все другие сферы общества. Таким связующим звеном и выступает экономический контроль, являющийся разновидностью социального контроля, распространяющегося на все общество.

Разумеется, контроль – не единственный связующий механизм, но тем не менее это одно из главных звеньев взаимосвязи социальной и экономической сфер. Экономический контроль – это, во-первых, существенный фактор, от которого зависит развитие экономики; во-вторых, механизм, опосредующий влияние на это развитие всех других подсистем общественной жизни, придающий развитию экономики тот или иной социальный характер. Такие принципиальные положения определяют методологический статус данного понятия и практический смысл теоретических изысканий в данном направлении.

Исследование проблематики экономического контроля позволяет улавливать многие социальные связи в экономике, которые до сих пор фактически не изучались (например, неформальные отношения в хозяйственном механизме). Отсюда и возможность более четко выявить новые стимулы развития экономики, раскрыть сущность трудностей и конфликтов, препятствующих нормальному функционированию хозяйственного механизма. Социологический анализ помогает составить более полное представление о механизмах экономической власти, столкновения интересов на экономическом поприще, конфликтов социальных групп, соотношения различных регуляторов хозяйственной деятельности. Это дает возможность определить роль и значение контрольной деятельности, ее механизмы и объективно обусловленные пределы. В связи с этим необходимо также отметить и эвристическое значение концепции экономического контроля для развития основных направлений экономико-социологических исследований, в том числе и исследований проблем стабильности общественного организма.

Обращаясь к истокам данной концепции, мы видим, что многие аспекты социального контроля рассматривались в сочинениях философов и правоведов, начиная с древности. Речь идет о таких «вечных» вопросах, как сущность нравственных норм, роль государственно-правовых институтов в борьбе против социального зла, пути преодоления конфликтов между индивидом и обществом, обеспечение общественной стабильности и правопорядка.

Исходя из этого, следует подчеркнуть, что стабилизирующая функция социального контроля в целом и экономического контроля в частности, в первую очередь, связана с преодолением и профилактикой дисфункциональных и патологических явлений в социальной системе. Прежде всего речь должна идти о борьбе против различных видов преступности. Это особенно

важно в условиях становления рыночных отношений, когда ростки новых форм экономической деятельности еще довольно слабы и уязвимы для посягательств со стороны криминальных элементов.

Многие «традиционные», а также новые, недавно активизировавшиеся формы и проявления социальной девиантности серьезно тормозят нормальное развитие частного предпринимательства и деловой активности «среднего класса» в целом. В то же время нравы некоторых нынешних бизнесменов можно рассматривать как опасный девиантогенный фактор. Разумеется, такие явления не только тормозят развитие нормальной предпринимательской деятельности, но и дискредитируют саму идею цивилизованного бизнеса. Это еще один аргумент в пользу концепции эффективного экономического контроля, способного обеспечить стабильные условия хозяйственной деятельности и безопасность цивилизованного предпринимательства. Именно поэтому актуальной задачей всех контрольных инстанций является поддержка усилий, направленных на становление новой культуры предпринимательства, развития его моральных основ, соблюдения принципов честного бизнеса и цивилизованного поведения в формирующихся рыночных условиях.

Не случайно на первый план выдвигается проблема безопасности бизнеса в широком смысле слова. Судя по материалам прессы и высказываниям предпринимателей в личных беседах, большинство из них уверены в том, что надежных механизмов и гарантий защиты пока еще не существует. С самого начала рыночных реформ для молодого российского бизнеса организованное насилие было крайне болезненной проблемой. По отдельным данным, около 70% коммерческих предприятий вынуждены были платить силовым группировкам. Предприниматели с высоким образовательным уровнем чаще жаловались на вымогательство, но, вероятно, не от того, что чаще с ним сталкивались, а потому что болезненней реагируют на насилие. Большая часть представителей бизнеса склонна считать, что можно успешно хозяйствовать без применения угроз и силовых мер.

В период «перестройки» велось немало разговоров о рэжете в отношении новых хозяйственных структур. К середине 1990-х гг. положение изменилось, произошло смещение акцентов: речь идет уже не о рэжете, а об навязанных «охранных услугах» – «крыше». Арсенал силовых методов довольно широк, и они встроены как важная часть в механизм контроля за выполнением деловых обязательств. Организованное насилие заменяло собой давление на партнеров через партийные органы в советское время, было своеобразной компенсацией за утерю административной и правовой защиты. Отсутствие действенного законодательного и судебного регулирования при-

вело к тому, что силовые методы вросли в ткань хозяйственных отношений.

По мнению экспертов, российский бизнес располагается и поныне на границе преступного мира. При этом почему-то принято указывать на центральные города, но и в регионах дела обстоят не лучше. Дело в том, что нестабильность общественной жизни способствует развитию криминогенных факторов. Практика показывает, что в обстановке митинговых страстей, призывов к погромам фермеров и бизнесменов, экспроприации частной собственности деловые люди становятся жертвами уголовных преступлений, причем их число, по уголовной статистике (вымогательство, крупные кражи, убийства), год от года растет. Неслучайно предпринимательство расценивается экспертами как одно из наиболее опасных занятий: нужно учитывать не только риск в связи с неупорядоченностью хозяйственной ситуации, но и прямую опасность насилия со стороны конкурентов, угрозы, исходящие из криминального мира.

При этом нужно учитывать, что крупные бизнесмены находят способы компенсировать потери, скрывая, например, свои «сверхдоходы» от налоговой инспекции. Труднее выжить (не говоря уже о развитии) мелкому и среднему предпринимательству в условиях сверхконцентрации производства, наличия большой доли крупных хозяйственных структур в общей численности предпринимательских предприятий и организаций. Любой чиновник может создать такие трудности, которые для отдельного предпринимателя непреодолимы, губительны.

Последнее обстоятельство требует особого внимания. Тема притеснений, которым подвергаются честные бизнесмены и со стороны преступников, и со стороны бюрократов, является одной из самых популярных в современной прессе. Можно бесконечно долго вести речь о необъявленной войне против предпринимателей любого ранга на территории нашей страны, причем Саратов занимает здесь далеко не последнюю строчку. Но не меньший урон развитию предпринимательства наносит и коррумпированность чиновников, когда заниматься бизнесом, не нарушая законодательства, практически невозможно (имеются в виду взятки государственным чиновникам, работникам контрольных органов, суда, прокуратуры и т.д.).

В настоящее время можно составить длинный список опасностей и угроз, включающий в себя весьма разнородные, на первый взгляд, явления, которые, однако, взаимосвязаны и выступают как система. И системообразующим фактором можно считать коррупцию (а в более широком плане – криминализацию бюрократического аппарата). Из беседы автора с членами экспертной группы, в которую входили, главным образом, представители среднего и малого бизнеса (86 чел.), следует, что именно трудности, связанные с неполадками в ра-

боте государственных органов являются основной проблемой предпринимательской деятельности.

По результатам экспресс-исследования коррупции занимает первое место (52% респондентов) среди наиболее распространенных явлений современной экономической жизни, на втором месте – обман, его отмечают 31% опрошенных. Также большинство участников экспертной группы видит в коррупции основную проблему развития бизнеса. Стоит заметить, что проявления коррупции имеют глубокие исторические корни; зародившись еще в царской России, коррупция, пережив СССР, перекочевала в современную реальность. Можно сказать, что чиновничество сформировало свою, неформальную систему контроля, которая противостоит официальной системе контрольной деятельности.

В руках у чиновников немало рычагов, позволяющих воздействовать на предпринимателей. Еще не начав действовать, бизнесмен претерпевает немало трудностей из-за усложненного порядка регистрации предприятий, необходимости платить за каждую «бумажку», задержек в оформлении и т.п. На этом беды его не кончаются. Власти манипулируют ставками арендной платы и прочих поборов. Появляются многочисленные контролеры, которые устраивают проверки по самым разным поводам. Словом, представители власти не раз доказывали, что способны разрушить любое начинание, причем в рекордно короткие сроки.

Нужно учитывать, что в современных условиях имеет место не только традиционное взяточничество и коррупция органов управления. «Сращенность» капитала с теми или иными властными структурами даже районного масштаба выступает своего рода предпосылкой делового успеха, гарантией получения различных льгот, поблажек, а нередко и защиты от справедливого наказания. Государственно-управленческая должность сама по себе превращается в средство предпринимательства. Разумеется, в таких условиях, когда закон нарушают те, кто призван его защищать, невозможно вести разговор о честной и цивилизованной экономической деятельности, об эффективном и справедливом экономическом контроле.

Бюрократизм – действенный инструмент прямого вымогательства, взимания легальных, полуполигальных и нелегальных поборов. К первым относятся налоги и обязательные платежи. Полулегальными можно считать «добровольно-обязательные» отчисления на муниципальные нужды (благоустройство города, ремонт зданий, прочие нужды коммунального хозяйства). Отчисления эти не предусмотрены законами, однако власти располагают достаточными возможностями, чтобы принудить бизнесмена к «благотворительности». Незаконные, по сути, действия чиновников облачаются в законную, официальную форму. Наконец, предприниматель вынужден давать взятки.

Перестройка и рыночные реформы ослабили административный контроль, и масштабы коррупции явно расширились. Впрочем, не стоит возлагать вину только на чиновников и обелять предпринимателей. В сделке участвуют две стороны. Бизнесмены нередко используют, и весьма цинично, корыстолюбие власть имущих, чтобы получить доступ к дешевым ресурсам, добиться льгот, освободить себя от части легальных платежей и «благотворительности»².

Таким образом, предпринимательское общество является, с одной стороны, объектом и жертвой, а с другой – субъектом и серьезным источником девиантного поведения. Налицо противоречивость группового сознания современных предпринимателей, несогласованность многих ценностно-нормативных ориентаций, которыми они пытаются руководствоваться.

Ряд исследователей отмечают, что в мышлении и поведении нынешних российских бизнесменов самым парадоксальным образом сочетаются рациональные и иррациональные мотивы, им свойственны резкие переходы от оптимистического к пессимистическому настроению. Это отражение специфики состояния российского общества. Такие особенности определяют и противоречивость, и неустойчивость, и непредсказуемость действий предпринимателей в современных условиях³.

Контраверзы ценностно-нормативных установок предпринимательской «страты» связаны прежде всего с условиями ее формирования, протекающего в противоречивой, кризисной социальной среде, в которой причудливо переплетаются остатки старых и ростки новых общественных отношений. И правомерно, на наш взгляд, охарактеризовать состояние современной российской предпринимательской общности (от бизнес-элиты до уличных торговцев) как ярко выраженную маргинальность социального статуса.

Понятие «маргинальность» обычно трактуется как некое неопределенное, противоречивое состояние социальных групп, которое характеризуется ростом девиантности. Вначале маргинальность связывалась, главным образом, с нарушениями социальной регуляции, усилением конфликтности и т.п. Однако позднее обнаружилось и ее значение как важной предпосылки нововведений в сфере культуры: маргинальные социальные группы часто оказывались их инициатором и агентом.

Эта характеристика относится и к современному российскому предпринимательству. Отсюда следует вывод, что его маргинальные черты должны учитываться и в практике социального контроля на всех уровнях государственной деятельности. Нужно своевременно различать и пресекать негативные тенденции в поведении тех или иных групп предпринимателей, заранее предвидеть, что некоторые эксцессы могут возникать в силу маргинального положения данной социальной общности. Но вряд ли

уместно сразу принимать некую «презюпцию виновности» предпринимателей, которые в силу своей маргинальности якобы «обречены» на совершение антисоциальных действий. Следует видеть и поддерживать противоположную тенденцию – стремление значительной части этой социальной группы к законопослушному поведению, приверженность их идеям законности и порядка. Это должно быть одним из главных стратегических направлений экономического контроля, осуществляемого современным Российским государством.

УДК 316.334.3(470.44)

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

В статье на основе данных социологического исследования анализируются различные формы протестного поведения населения Саратовской области.

The Protest-Like Potential Activity of Saratov Region Inhabitants

I.A. Beginina

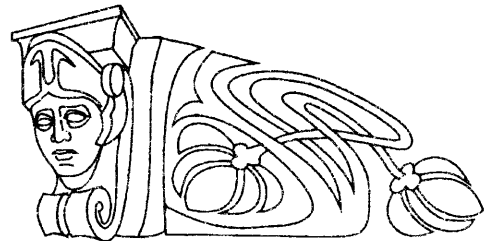
The article deals with the protest like behavior of Saratov region inhabitants analyzed on the basis of sociological investigation data.

В современной России среди большого разнообразия видов социально-политической активности населения особое место занимают такая деятельность, с помощью которой люди имеют возможность непосредственно выражать свое мнение, недовольство, разного рода требования. Такой вид проявления коллективных действий в политической и социологической литературе относят к протестным формам политического поведения¹.

В мировой политической и социологической науке классиком теории политического действия по праву считается М. Вебер². Р. Михельс, М.Я. Острогорский³ анализировали виды политических действий и акторов. П. Сорokin предложил классификацию социально-политического поведения человека⁴. Протест как неотъемлемую часть политической культуры населения исследовали Д. Ольшанский, Г. Моноусова, А. Кинсбургский в России и Т. Гарр, С. Стауфер за рубежом⁵. Они рассматривают протестные действия в связи с теорией относительной депривации, «согласно которой

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: Девиантность и социальный контроль в России XIX–XX вв.: тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я.И. Гилинского. СПб., 2000.
- ² Душацкий Л.Е. Взаимодействие предпринимателей с условиями среды // Социс. 1998. № 1. С. 55.
- ³ Заславская Т.И. Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект // Социс. 2006. №5. С.79.

неудовлетворенность социальных групп, вызванная расхождением ожиданий с возможностями их удовлетворения, является показателем социальной напряженности и при определенных обстоятельствах может вылиться в открытый протест»⁶. А. Темкина впервые обратилась к анализу протеста как события⁷. В. Сафронов исследовал потенциал политического протеста в России в контексте демократической перспективы⁸. И. Климов составил «репертуар действий агентов и контрагентов» протестного движения в России и поставил проблему принципов оценки его эффективности⁹. М. Назаровым и В. Петуховым проведены конкретные эмпирические исследования по проблеме отношения россиян к разнообразным формам политического протеста¹⁰. К настоящему времени накоплено достаточное количество социологической информации о протестном поведении населения таких городов, как Санкт-Петербург и Москва¹¹. Анализ данных ВЦИОМа, Центра Исследований политической культуры России, РОМИРа, Федерального агентства правительственной связи и информации продемонстрировал различия в отношении населения к формам протестной активности¹².

Таким образом, проблематика социально-политического протестного поведения достаточно разработана. Тем не менее проблема потенциала социально-политического протеста на региональном уровне еще требует разработки. С этой целью в 2007 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования, которое показало, что политика занимает восьмое место из 14 позиций (со значением 6,667) в иерархии жизненных ценностей саратовцев¹³, выборы – десятое место (6,013), политические традиции – одиннадцатое (5,627), деятельность в политической организации и акции протеста – двенадцатое